

«Время уходит в воду и кое-где искрит»

Наталья Смоголь

Поэт не может существовать вне времени и пространства, хотя в самом произведении их присутствие совсем необязательно. Но творческий человек всегда вписан в эпоху, даже если старается увидеть будущее или погрузиться в прошлое. Он не может стоять в стороне от острых вопросов современности, иначе превратится в темпорального космополита. Не случайно даже те, кто пропагандировал «чистое» искусство, в какой-то момент превращались в яростных публицистов, обличителей, проповедников. Слово как бы предназначено вести к лучшему, уводить от опасностей, подводить к чему-то важному, а иногда и просто подводить своего автора. Неслучайно же Пушкин поэтически «высокую страсть» сформулировал емко и трагично — «для звуков жизни не щадить». И поэту нужно иметь определенное гражданское мужество, чтобы честно и чисто выразить свою позицию. У поэта из Орла Вадима Еремина, чей день памяти отметили в библиотечно-информационном центре его имени 18 апреля, оно, безусловно, было.

Поэт и поэт

В литературоведении есть прекрасная в своей непознаваемости ситуация парадокса. Во-первых, сам поэт не всегда понимает, что навело ему тот или иной образ, мотив, сюжет: может, читал когда-то, слышал от кого-то, потом забыл, а в лирике всплыло. Во-вторых, сам исследователь имеет право внедрить в анализ собственную догадку и обнаружить какие-то незримые с первого взгляда связи. И, наконец, вдумчивый читатель в зависимости от того, современник он или потомок, способен внести в текст особый смысл, дать неожиданную интерпретацию уже, казалось бы, со всех сторон изученному произведению.

Традиционно немногословное стихотворение «Победители» (2006) из последнего сборника В.Г. Еремина «В течение дня» всегда останавливало на себе мое внимание, и я не могла понять, отчего это происходит. То ли оттого, что название заставляет ожидать совсем иной картины, более реалистичной, чем ли. То ли потому, что чувствуется в четырех строках какая-то горькая ирония, смешанная с потаенным трагизмом. И все вместе это явно противоречит стилю едва ли не детской сентиментальности. Да вот посудите сами:

Победители

Слоны
возвратились
с войны.

Их перышки
попалены.

Их резусы
накалены.

Слонам
не дожить
до весны.

И вот совсем недавно случайно (или нет?)

мне попало стихотворение известного советского поэта Л.Н. Мартынова «Народ-победитель» (1945), которое очертило контуры нешуточной творческой полемики:

Возвращались солдаты
с войны.
По железным дорогам
страны
День и ночь поезда
их везли.
Гимнастерки их были
в пыли
И от пота еще солоня
В эти дни бесконечной
весны.

Возвращались солдаты
с войны.
И прошли по Москве,
точно сны, —
Были жарки они
и смельны.
Были парки цветами
полны.
В зоопарке трубили
слоны, —
Возвращались солдаты
с войны!

Возвращались домой
старички
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы,
донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных
машин,
И властители мирных
долин —
Возвращался
народ-исполн...

Слишком много в этих текстах оказывается художественных переключек! Название. Мотив возвращения. Образы слов и весны. Но еще больше, конечно, различий. Пафос советского поэта, творящего по законам соцреализма, вполне объясним. Произведение представляет собой образец заказной лирики, и в это понятие не вкладываю негативной оценочности, потому что есть много качественных произведений подобного плана. Следует также сказать, что именно наша победа в Великой Отечественной и Второй мировой войне объединила личное

и общественное, дала мощный толчок творчеству, позволила почувствовать сопричастность к грандиозным событиям и породила необходимость сказать о них. Дело, конечно, в форме, стиле, барабанном оптимизме, смысловых пустотах и отсутствии психологизма. Вряд ли Вадиму Еремину пришло бы в голову «перелицовывать» стихотворение М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату», написанное в том же 1945 году и содержащее потрясающе проникновенные, горестные, достоверные строки, за которые автору так досталось от партийных блюстителей жизнелюбивых идей:

Стоит солдат —
и словно комья
Застрял в горле у него.
Сказал солдат:
«Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.
Готовь для гостя
угощение,
Накрой в избе широкий
стол —
Свой день, свой праздник
возвращенья
К тебе я праздновать
пришел...»

Наверняка кто-то помнит, с какими психологическими проблемами столкнулся главный герой рассказа А.П. Платонова «Возвращение», оказавшийся в гораздо более трагических обстоятельствах, чем лирический герой Исаковского, но тоже переживающий кризис. В «Народе-победителе» все просто до банальности, что, скорее всего, и вызывает отторжение Еремина (если не осознанное, то подсознательное): пыльные и потные гимнастерки, как и круглосуточная работа железной дороги, вместе с географическими, возрастными и профессиональными отличиями советских военных — это очевидность, которая в поэзии выглядит избыточно.

Образы и символы

Любопытно проследить, как наш современник изменяет ракурс видения знакового события. У Мартынова используются глаголы несовершенного вида, чтобы придать явлению демобилизации особую масштабность (глагол «возвращались» повторен шесть раз). Еремин констатирует свершившийся факт («возвратился с войны»), акцентирует внимание на «востановлении» вчерашних победителей в новое, мирное время, куда они вошли с необратимыми последствиями войны.

Слон — это, конечно, символ исполина, благодаря которому автор продолжает аллегорическую традицию русской литературы, в то время как у Мартынова слоны, судя по всему, нужны для рифмы «войны» (шестикратное созвучие стихотворных строк второй строфы приводит к некой логической подставке), ведь к весне, цветению, победе они отношения не имеют. С большой натяжкой их можно рассматривать как атрибуты мирной жизни и семейных походов в зоопарк. И все же их присутствие в стихотворении не детерминировано явной необходимостью — из образа не получилось символа.

Вполне объяснимо желание победное мгновение продлить, остано-

вить его, как гетевскому Фаусту, что объясняет появление гиперболы «бесконечная весна». Но Еремин, чье детство пришлось как раз на послевоенные годы, очевидно, хорошо знал горькую участь физически и морально истощенных ветеранов, которым не придется дожидаться до очередной весны, той, где им предстоит решать насущные проблемы, может быть, сталкиваясь с бюрократической-репрессивной системой. Так неспроста важное переосмысление нашего стихотворения обнаруживает в себе глубокие смыслы, литературные переключки, полемические тенденции.

Война в стихах

Тема войны встречается у Еремина довольно часто — его поколение ею опалено. Отец поэта пропал без вести, мать-вдова воспитывала двух сыновей, лишения научили ценить радости жизни, видеть в деталях важное. Так, например, в одном из посвящений родственнице поэта Е.А. Благиной, написанном в 1975 году, есть строки, связанные и с мотивом возвращения, и с идеей бессмертия, и с мыслью о преемственности поколений:

Груз медалей был тяжел.
Человек с войны пришел.
А они востро сверкали,
Чтобы дети после школ
Глаз с медалей

не спускали.

Иногда географическая достоверность упраздняется, чтобы передать всеохватность утраты: «Отец лежит на поле брани. / Мать от него недалеко». Иногда происходит передача лирического высказывания себе ребенку: «Я — маленький, / И вы такими были. / Я — маменькин, / А папеньку убили. / Зачастую исповедальный монолог свидетельствует о неустойчивости личной и социальной, например, когда нечто важное переработано в быденное, дань памяти становится не более чем развлечением, как в стихотворении «Салют»:

Прошло небо
Выстрелами звезд.

Крик:
— Победа!..
А звучит
Как SOS.

Поэту, я в этом не сомневаюсь, очень важно быть услышанным, но еще более ценно быть понятым, открытым новыми читателями. И, может быть, ученикам школы №5 и постоянным посетителям, которые пришли на час памяти Вадима Еремина, увидели и услышали его сына Олега, друзей, коллег, сотрудников БИЦА, захочется открыть и увлеченно полистать одну из десяти книг, написанных, по словам поэта, «за сорок пять лет...» непростой внешней и внутренней жизни.